

СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЧЕВОГО ЖАНРА (НА ОСНОВЕ ТЕКСТОВ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЗАГОВОРОВ)

И. И. Чумак-Жунь, С. В. Ковалева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

SPEECH INFLUENCE AS A SUBJECT OF LINGUOPRAGMATICS (BASED ON TEXTS OF FOLK SPELLS)

I. I. Chumak-Zhun, S. V. Kovaleva

Belgorod State National Research University

Аннотация: статья посвящена изучению текстов такого малоизученного жанра фольклора, как заговор. Цель исследования заключается в выявлении вербальных и невербальных аспектов прагматики заговорного текста, формирующих программу воздействия. Соответственно, исследование проводилось в русле антропоцентрической парадигмы с опорой на направления современной лингвистики – лингвопрагматику и речевое воздействие. В качестве материала используются тексты, напечатанные собирателем Л. Н. Майковым в XIX в. Теоретико-методологическая база исследования сформирована с учетом фундаментальных и актуальных исследований в области прагматики и речевого воздействия (Дж. Остин, И. А. Стернин, Б. Ю. Норман и др.) с применением лингвопрагматического, коммуникативно-функционального, контекстуального, описательного и компонентного методов. Центральные понятия статьи – речевое воздействие, истоки которого берут начало в лингвопрагматике, и эффективность коммуникации как показатель результативности воздействия. В вопросе определения параметров эффективности коммуникации мы пришли к выводу, что основной показатель заложен в прагматике конкретного речевого акта. Сквозь призму таких лингвопрагматических элементов, как локуция, иллокуция, перлокуция, были представлены этапы формирования речевого воздействия в текстах фольклорных заговоров. В результате проведенной работы было выявлено, что некоторые тексты под влиянием религиозной картины мира «теряют» приказное наполнение, меняя тактику воздействия и пропуская некоторые элементы в «локутивном» трио. Исследование уровней теории языкового знака – семантики, синтактики и прагматики – привело к выводу о том, что в заклинаниях именно прагматический компонент обуславливает выбор языковых средств на уровне семантики и синтактики. В параметрах эффективности коммуникации заговорного текста отсутствует компонент эмоционального отклика адресата, поскольку тексты данного жанра подразумевают результативность волеизъявления говорящего, которое не подразумевает дальнейшее коммуникативное взаимодействие.

Ключевые слова: речевое воздействие, лингвопрагматика, речевой акт, эффективность общения, заговор.

Abstract: the article is devoted to the study of texts of such a little-studied genre of folklore as conspiracy. The purpose of the study is to identify the verbal and nonverbal aspects of the pragmatics of the conspiracy text that form the impact program. The research was conducted in line with the anthropocentric paradigm based on the directions of modern linguistics – linguopragmatics and speech influence. The texts printed by the collector L. N. Maikov in the XIX century are used as the material. The theoretical and methodological basis of the study was formed taking into account fundamental and relevant research in the field of pragmatics and speech influence (J. Austin, I. A. Sternin, B. Yu. Norman, etc.) using linguopragmatic, communicative-functional, contextual, descriptive and component methods. The central concepts of the article are speech impact, the origins of which originate in linguopragmatics, and the effectiveness of communication as an indicator of the effectiveness of impact. In the aspect of determining the parameters of communication effectiveness, we came to the conclusion

that the main indicator lies in the pragmatics of a particular speech act. Through the prism of such linguopragmatic elements as locution, illocution, perlocution, the stages of the formation of speech influence in the texts of folklore plots were presented. As a result of the work carried out, it was revealed that some texts under the influence of the religious picture of the world "lose" their ordered content, changing the tactics of influence and skipping some elements in the "locomotive" trio. The study of the levels of the theory of the linguistic sign – semantics, syntactics and pragmatics – led to the conclusion that in spells it is the pragmatic component that determines the choice of linguistic means at the level of semantics and syntactics. In the parameters of the effectiveness of the communication of the spoken text, there is no component of the emotional response of the addressee, since the texts of this genre imply the effectiveness of the speaker's will, which does not imply further communicative interaction.

Key words: speech impact, linguopragmatics, speech act, communication effectiveness, spell.

Введение

Современный антропоцентрический подход, доминирующий в лингвистике, определяет актуальные векторы, которые переводят изыскателя от изучения состояния языка как устоявшейся системы в пространство дискурсивных исследований – в исследование «речи, погруженной в жизнь». В эпоху постструктурализма, когда в рамках изучения семиотического процесса акцент делается на соотношение «языковой знак – пользователь», в центре внимания лингвистов оказывается языковая личность, обладающая набором уникальных характеристик и действующая в определенных условиях коммуникации. Коммуникативный подход связан с изучением языка как инструмента эффективного общения, успешность которого (общения) связывается с несколькими факторами – коммуникативной ситуацией, обусловленной дискурсивным событием, коммуникативным намерением адресата, общим кодом, т. е. коммуникативной компетенцией собеседников, и т. д.

Вопросы речевого воздействия востребованы в современных лингвистических работах – исследователи обращаются к изучению структурных элементов воздействия [1; 2], вопросу лингвопрагматики отдельных частей речи [3], к конкретным жанровым проявлениям – изучается, например, воздействие в языке рекламы [4; 5], в сфере делового общения [6; 7], в устной коммуникации [8]; активно рассматривается лингвопрагматика авторского [9; 10] и фольклорных текстов [11].

По мнению И. А. Стернина, основная причина того, что эффективность общения стала ведущим предметом изучения стремительно развивающейся науки о речевом воздействии, заключается в том, что реалии современной действительности побуждают человечество искать новые формы межличностной и межкультурной коммуникации [12, с. 5].

Изучение эффективности коммуникации как предмета речевого воздействия невозможно без обращения к истокам, берущим начало в лингвопрагматике, теоретическая база которой опирается на теорию речевых актов Дж. Остина. Под *речевым*

актом по его теории следует понимать целенаправленное речевое действие, которое осуществляется в соответствии с правилами и нормами языкового поведения, общими для данного конкретного общества [13, р. 22], причем любой речевой акт, по Остину, мотивирован и обладает прагматикой.

Б. Ю. Норман, автор одного из фундаментальных современных исследований «Лингвистическая прагматика», утверждая вслед за Ч. Моррисом, что «составляющими теории знака являются семантика, синтактика, прагматика», указывает, что соотношение «весомости» этих составляющих зависит от реализации конкретного речевого акта в определенных условиях общения [14, с. 5]. Отмечая, как и Дж. Остин, что любая речь прагматична, так как выражает свойственные человеческому сознанию субъективность и индивидуализм, Б. Норман в качестве примера приводит извинение, утверждая, что этот жанр также обладает иплицитно выраженным прагматическим смыслом, подразумевающим воздействие [там же, с. 10]. В этой связи следует заметить, что, по М. М. Бахтину, в каждой сфере речевого общения функционируют стандартизированные и типизированные образцы текстов – речевые жанры, определяющие в большой мере речемыслительную стратегию «того типа дискурса, в рамках которого оно осуществляется» [15, с. 53]. Особый интерес исследователей традиционно привлекают жанры, речемыслительной стратегией или дискурсивно-когнитивной основой которых является перформативность, т. е. прямой выход «из текста в действительность». Они отличаются от других жанров на всех этапах передачи информации – необычные иллокуция (интенция), локуция (сигнал) влекут за собой необычный же перлокутивный эффект. Традиционно в качестве перформативных жанров, содержание которых должно совпадать с их исполнением, реализацией, рассматриваются клятва (слово *обещает* дальнейшее действие), молитва (слово *призывает* дальнейшее действие). Пожалуй, наиболее отчетливо проявляется суггестивный потенциал в перформативном жанре заговора, где функция слова – заклинание, а цель – напрямую

подчинить, определить действие. В отличие от молитвы и клятвы заговор предполагает мгновенный результат воздействия – перлокутивный эффект, который выражают глаголы-перформативы: *присушить, отвадить, вылечить, разыскать*. В основе жанра заговора лежит суггестия, внушение, представляющее особую форму эффективной коммуникации, к сущности которой мы обращаемся.

Цель настоящего исследования заключается в анализе текстов народных заговоров, а именно в выявлении лингвистических и экстралингвистических аспектов речевого воздействия с опорой на лингвопрагматику. В качестве *материала* используются тексты, опубликованные в сборнике Л. Н. Майкова «Великорусские заклинания» 1869 г. Работа предполагает использование лингвопрагматического, коммуникативно-функционального, контекстуального, описательного и компонентного *методов*.

Стоит отметить, что лингвисты выделяют основные параметры, по которым можно оценить степень эффективности или коммуникативного эффекта – это «нормативность действий участников коммуникации, эмоциональный фон коммуникации, результативность действий инициатора» [16, с. 30].

В процессе исследования мы пытаемся дать ответы на некоторые вопросы, как общего, так и частного характера: что такое лингвопрагматические элементы речевого акта, как понимается прагматический потенциал жанра, каким образом он реализуется в речевой деятельности, как действуют «механизмы суггестии» в конкретном жанре?

Лингвопрагматические элементы речевого воздействия и жанр

В современной лингвистике факторы речевого воздействия особенно активно изучаются на материале прагматически маркированных текстов, таких, например, как реклама. Общая задача рекламы – заставить потребителя выполнить необходимое для рекламодателя действие. Не столь прозрачно, однако многообразно и многовекторно речевое воздействие представлено в текстах устного народного творчества, в которых реализуются и приказание, и убеждение, и внушение. Наиболее отчетливо внушение репрезентировано в одном из конкретных перформативных жанров – заговоре. Это объясняется суггестивностью, лежащей в его основе. Суггестия – внушение, направленное на подсознание и не требующее доказательств. Как отмечает Е. К. Сельченко, суггестивная лингвистика «подразумевает вход в подсознание, возможность целенаправленного воздействия на установки личности» [17, с. 103]. По отношению к восприятию человека тексты «воздейственного» характера выстраиваются с опорой на информацию, ритм и эмоциональную структуру человека. Соответственно,

суггестия создается комплексом лингвистических и экстралингвистических средств.

Обратимся к лингвопрагматическим характеристикам заговора. Сформулируем основные понятия, которые важны при его анализе.

1. Иллокутивные силы. Все функции речевого акта – это иллокутивные силы, основой которых является цель высказывания, или иллокутивная цель. Как указывалось выше, основные элементы лингвопрагматики вместе с теорией речевых актов были определены Дж. Остином, который выделял в процессе коммуникативного речепорождения локутивный, иллокутивный и перлокутивный акты (высказывание, намерение, воздействие на слушателя). Передача информации в сообщении – не единственная функция высказывания, поскольку ей сопутствуют и другие функции – предупреждение, комплимент, просьба, уговор и т. д., но для заговора первостепенной является функция заклинания, в основе которой лежит суггестия. Это прямой (эксплицитный) речевой акт, в котором говорящий использует глаголы-перформативы, выражающие цель.

2. Модель речевого акта. Основываясь на трехчастной модели «локуция – иллокуция – перлокуция», Е. В. Шелестюк дополняет ее, используя схему передачи информации Р. Якобсона: «адресант – иллокуция (интенция) – пресуппозиция (прагматический контекст) – запланированное сообщение – канал 1 – сигнал (локуция) – канал 2 – адресат – воспринятое сообщение – пресуппозиция (контекст) – интерпретация, понимание (как результат интерпретации), осмысление – перлокутивный эффект» [18, с. 39]. Если речь идет о заговоре, то трансформация очевидна: 1) на этапе иллокуции, где уместно говорить не просто об интенции, а о суггестивной интенции; 2) на этапе интерпретации, где речь должна идти не об осмыслении, а о внушении. Речевое воздействие при заговоре – это сознательно спланированный акт коммуникации с использованием лингвистических и экстралингвистических средств влияния.

3. Реализация речевого акта. Три части речевого акта – локуция, иллокуция, перлокуция – взаимодействуют друг с другом одновременно в момент произнесения высказывания, т. е. адресант передает информацию, осуществляя в этот момент свое намерение и оказывая определенное воздействие на слушателя путем использования необходимых в данной ситуации языковых средств. Данные этапы формируются взаимодействием семантики, синтактики и прагматики, реализующимся в речевом акте. Прагматический аспект в данном соотношении может играть сопутствующую роль, однако, как мы отмечали выше, заговор – это такой жанр, в котором именно прагматика «диктует» выбор языковых средств – семантики и синтактики. В этом смысле его можно соотнести с

другими перформативными жанрами – молитвенными обращениями, приказами, обещаниями, клятвами и др., т. е. с теми речевыми актами, которые порождаются под влиянием ситуативно заданного контекста. Во многом коммуникативная ситуация создается, исходя из личностно-психологических особенностей говорящего и слушающего, их отношения к ситуации, друг другу, сказанному. Описать субъективные и объективные факторы взаимодействия языковых личностей помогает понятие модальности. Именно модальность как общая направленность высказывания может выявить мотив речепорождения или подчеркнуть общую оценку адресантом речевого акта.

4. Факторы эффективной коммуникации. Так как в фокусе нашего внимания находится проблема исследования языкового воздействия, реализуемого в коммуникативных актах народных заклинаний, важно подчеркнуть, что эмоция, заложенная в коммуникации, является одним из важнейших дискурсивных факторов. Именно она в немалой степени обуславливает эффективность межличностного общения в названном жанре. Анализируя исследование И. А. Стернина, Е. Ю. Гончарук отмечает, что ученый выделяет параметр положительной эмоциональной реакции как основополагающий в эффективности общения, а коммуникацию, вызывающую негативные эмоции, результативной, но неэффективной [16, с. 31].

Любая коммуникация представляет собой обмен информацией, подкрепленный эмоциональной реакцией. Рассматривая эффективность общения в русле коммуникативного подхода, И. А. Стернин отмечает: «...если эмоционального контакта нет, то и общение не может считаться состоявшимся. <...> Контакт может быть с эмоциональными знаками *плюс* с обеих сторон, с эмоциональными знаками *минус* или с полярными эмоциональными знаками – в любом случае общение так или иначе состоится» [12, с. 11].

Любой эмоциональный отклик адресата в коммуникации является подтверждением того, что общение состоялось. Как уже говорилось ранее, отклик может быть позитивным или негативным, но реализация намерения уже свершилась. Вопрос в том, насколько достигнута иллокутивная цель, подразумевающаяся в воздействии на адресата в процессе выражения намерения, и хотел ли говорящий осуществить свою цель именно через позитивное воздействие. Таким образом, для адресанта эффективная коммуникация складывается тогда, когда выраженное в речевом акте намерение, преследующее определенную цель, оказывает необходимое (ожидаемое) воздействие даже при использовании негативных языковых средств. Как упоминалось ранее, И. А. Стернин считает, что использование негативных средств коммуникации может гарантировать результат, но не может быть эффективным. В языке заговорного текста в качестве

негативных средств коммуникации выступают слова с отрицательной модальностью, использующиеся против воли адресата. Например, глаголы *резать, колоть сердце; сушить тело* и т. п.

Следует принять позицию И. А. Стернина – эффективность коммуникации в конкретной ситуации общения предполагает не только осуществление воздействия на слушателя, но и позитивную эмоциональную реакцию адресата с целью продолжения общения, сотрудничества. В отличие от других речевых жанров для эффективности заговорного текста, как правило, не важна позитивная эмоция слушающего. Это связано с природой самого жанра – суггестия заклинательного текста часто подразумевает воздействие против воли того, на кого оно направлено, а значит, эффективность заговора определяется результативностью желаемого. Кроме того, в качестве объекта могут выступать явления и предметы окружающего мира, животные, а не только человек. Данный тип речевого акта иногда превращается в монолог, который подразумевает мнимое присутствие второго участника диалога. Исключения составляют только «позитивно заряженные» тексты, стремящиеся помочь здоровью человека, который может присутствовать при произнесении заклинания. Но и в данном случае человек является участником диалога только с одной стороны, в качестве «второй стороны» выступает недуг. Таким образом, основное намерение заговаривающего заключается не в налаживании позитивного общения с принимающей стороной, а в исполнении собственной воли. Негативные средства коммуникации в данном случае помогают в реализации желаемого. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что способ определения эффективности общения И. А. Стернина подходит только для тех речевых жанров, которые подразумевают дипломатический, дружественный или воспитательный характер отношений, т. е. рычаги «мягкого манипулирования».

Определенная тактика ведения диалога не всегда заранее спланирована, иногда она подсознательно диктуется усвоенной психолингвистической моделью общения, что можно отследить в ментальных установках отдельно взятой страны, нации и даже семьи. Выбор агрессивной или неагрессивной модели воздействия, по нашему мнению, зависит от иллокутивной цели отправителя информации. Однако, как упоминалось ранее, эффективность коммуникации обеспечивается именно реализацией изначального намерения, эмоция не всегда важна для адресанта. Е. Г. Гришечко отмечает, что речевое воздействие подразумевает «побуждение к непосредственному речевому или невербальному действию, а также опосредованное воздействие, нацеленное на формирование у слушателей определенных эмоций, отношений,

оценок, установок, необходимых отправителю речи» [19, с. 55].

Процесс языкового влияния носит психолингвистический характер, и зачастую осуществить его помогает нахождение «уязвимостей» со стороны адресата. Данная задача решается на этапах локуции, иллокуции и перлокуции не только лингвистическими, но и экстралингвистическими способами, которые в комплексе создают единую установку воздействия – на логику, эмоции, поведение – благодаря определенным лексическим средствам, интонации, предметам и действиям. Форма речевого воздействия обладает имплицитным или эксплицитным выражением в зависимости от конкретной ситуации общения. Эффективность общения заговорных текстов определяется степенью реализации намерения говорящего независимо от позитивной эмоциональной реакции слушающего.

Речевое воздействие в текстах народных заговоров

Все, что находится «вне языка», составляет дискурсивное пространство народно-поэтического текста, поскольку экстралингвистические факторы также способствуют достижению необходимого воздействия на слушателя. К таким факторам в фольклоре относят выражение эмоций, а также ритуалы, заключающиеся в использовании предметов и совершении определенных действий.

Тексты народных заговоров и заклинаний обладают явной, эксплицитно выраженной прагматикой. Компоненты заговорного воздействия (лингвистические и экстралингвистические) нацелены на результат, который подразумевает изменение действительности в соответствии с намерением заклинателя. Основным средством речевого воздействия текста народного заговора является проговаривание языковой формулы, подкрепленной неким ритуалом.

Как неоднократно отмечалось выше, язык заговорного текста обладает перформативностью, т. е. звучащая речь приравнивается к действию и обладает иллокутивной силой. Перформативность изначально обозначает процесс, происходящий в момент его названия, озвучивания, а потому он воспринимается как свершившийся в данную минуту факт и, соответственно, не требует доказательств и аргументов своей реализации. Следовательно, заговорная формула воспринимается сознанием заклинателя как нечто само собой разумеющееся, трансформирующееся в действие. Для того чтобы перформатив мог привести изменения в реальность, существуют определенные условия, которые определяют его «удачное» и «неудачное» употребление. К условиям в широком смысле относят соответствие личности говорящего, коммуникативной ситуации, слов и дей-

ствий определенным параметрам, необходимым в конкретной ситуации общения.

Считается, что «обрядовость» заклинаний берет начало в язычестве, где заклинателем (адресантом сообщаемого) был волхв. С течением времени эта функция перешла к знахарям и приверженцам так называемой «черной магии», обладающим особенным «тайным» умением. Позднее возможностью заговаривать стал обладать практически каждый человек, поскольку тексты заклинаний стали передаваться устно. В текстах XIX в. в ритуальных описаниях встречаются указания на конкретного человека, который должен произносить слова. Например, в заговоре для молодоженов в день свадьбы можно прочесть, что именно сваха, ступая на порог невесты, произносит заветную формулу на долгий и благополучный брак. Существует также множество текстов с непрямым образом заклинателя. Таким образом, личность адресанта речевого воздействия в заговорных текстах с течением времени перестала ограничиваться каким-либо конкретным «типом заклинателя».

Языческое влияние явно выражено в текстах народных заговоров образами адресата речевого воздействия. В качестве принимающей стороны коммуникации в заклинании выступает не только человек, но и окружающая одушевленная действительность, включая ее предметы и явления. В этом заключается универсальность заклинательной формулы, обусловленной жанровым своеобразием и моноличностью изложения. Кроме того, жанр подразумевает наличие ритуальной составляющей в виде подручных предметов, свеч, а также выполнения заданных действий. Некоторые виды заклинаний произносятся в определенное время года, дня или ночи, исходя из той задачи, которая стоит перед заговаривающим.

И наконец, самое важное условие – правильное произнесение «магических» слов текста, необходимых в конкретной ситуации речевого воздействия, независимо от того, кто или что выполняет функцию адресата: человек, здоровье, болезнь, чувства, животные, образы потустороннего мира.

Рассмотрим речевое воздействие на примере текста «От руды и крови (от поруба, пореза, кровавой раны)» из сборника Л. Майкова «Великорусские заклинания»:

На море на Окияне, на острове на Буяне сидит девица. Она шьет, пошивает, золотые ковры вышивает не ниткою, шелком. Шелк оборвется и кровь уймется [20, с. 63].

В приведенном тексте представлен только вербальный аспект речевого воздействия, основанный на образной, ассоциативной тактике коммуникации. Личность говорящего не проявлена, поскольку от-

существует описание невербального ритуального действия, включающего рекомендации для заклинателя. Второй участник коммуникации в заговоре отсутствует.

Особую роль играет устаревшая лексика. В названии используется архаизм *руда*. Лексема *руда* в фольклорных текстах имела разные значения, в данном контексте *рудой* называли саму кровь или кровотечение, при котором вследствие телесных повреждений появлялась кровь. В словаре В. И. Даля находим прилагательное *рудой* – это красный или рыжий цвет. Ниже дается трактовка слова *руда* с примерами: «Руда ж. руда, зап. кровь. Разбил нос до руды. Руду пустить – гвоздь в гроб вколотить (с немецкого). Руду метать. Что руда по белу снегу. Руби до руды, чтобы кровь текла!» [21, с. 1731]. Вероятно, колоратив *рудой* по принципу цветового сходства образовался от существительного *руда* в значении ‘кровь’ или ‘кровотечение’.

Иллокутивный акт текста представлен констативом, утверждающим желание говорящего, направленное на неодушевленный объект (кровь раненого), и перформативом, выраженным эксплицитно и осуществляющим действие параллельно с произнесением финальных слов. Основным приемом формулировки такой заговорной «программы» является сравнение. Проводится параллель между кровью и шелковой нитью. До тех пор пока девица вышивает шелком ковер, кровь течет. В момент обрывания шелка кровь останавливается: *Шелк оборвется, и кровь уймется*. Усилению воздействия способствует повтор в виде ряда однокоренных слов: *шьет-пошивает-вышивает*. Эффективность коммуникации достигается путем реализации задуманного после произнесения последней строки.

Мифологическая составляющая переносит сознание заклинателя на священный остров Буян. Согласно славянским поверьям именно на нем растет волшебный дуб – мировое древо. Считается, что все просьбы о помощи у славян сводились к обращению к Буяну. Так в заговорном тексте проявляется языческая картина мира.

В группе заговоров, касающихся здоровья, есть тексты, относящиеся не только к лечению или пожеланию болезни, но и тексты, помогающие от воздействия другого заклинателя, а также от сглаза и осуждения. Обратимся к тексту «От разных болезней действительных и мнимых (икоты, порчи, уроков, осуда, притки, призору, сглазу)» из сборника Л. Майкова:

При сих словах бабка дует на воду и плюет в сторону.

Сохрани мене, Господи, от ведунов и полуведунов, от тридцать колдунов и полуколдунов, от учеников и полуучеников, от ненавистников, от еретиков и

полуеретиков, от метниц и полуметниц, от еретниц и полуетниц.

После этого нашептывания бабы берут в рот воды и sprыскивают лицо, грудь и спину больного. Далее бока, грудь и спину прикалывают крестом и наконец, осенив крестом и заставив приложиться к нему больного, дают ему выпить несколько наговоренной воды [20, с. 89].

Данный текст реализует вербальный и невербальный аспекты речевого воздействия. Невербальный включает описание ритуала, выполняемого при произнесении заклинания, с использованием специфической атрибутики: воды, нательного креста. Действия заговаривающего описываются следующими словами: *дует, плюет, берут в рот воды, sprыскивают, прикалывают, осенив крестом, дают выпить наговоренной воды*. Благодаря наличию невербального аспекта мы видим, что в качестве адресанта выступает несколько субъектов, поскольку присутствуют лексемы *бабка* и *бабы*. Первой отводится начальное действие и произнесение формулы, последние завершают ритуал.

Форма обращения в тексте похожа на молитвенное начало: *Сохрани мене, Господи*. Однако дальнейшая структура выстраивается в заговорной традиции. Это значит, что вводится большое количество однородных членов (*ведунов, колдунов, еретиков и т. д.*), однокоренных слов, которые выражают степень владения чем-то негативным, например, колдовством, ложью, дурным глазом (*колдунов-полуколдунов, еретиков-полуеретиков*), некоторые перечисленные пары слов синонимичны по отношению друг к другу (*ведунов-полуведунув/колдунов-полуколдунов/учеников-полуучеников*). Многократные повторы указывают на стремление заклинателя охватить все виды недоброжелателей, от владеющих магией до тех, кто владеет не полностью или просто может пожелать плохого, поэтому в тексте можно найти повторение одной и той же лексемы в форме мужского и женского рода (*еретиков-полуеретиков/еретниц-полуетниц*).

Стоит отметить, что анализируемый текст имеет нетипичную для заговоров форму наклонения: отсутствует императив, перформативы. На уровне речевого акта заклинание представляет только две составляющие: локуцию (высказывание) и перлокуцию (говорящий верит, что высказывание действительно произойдет). Отсутствует вербальный элемент локуции (явного воздействия), который замещается ритуалом с опрыскиванием наговоренной водой и осенения крестом. Так, несмотря на типичную заговорную структуру текста в целом, приведенный текст имеет явное молитвенное наполнение, изменена манера исполнения желания. Все это говорит о религиозном отпечатке, в народном сознании переплетаются мифологическая и религиозная картины мира.

Заключение и выводы

Таким образом, результаты лингвопрагматического анализа речевого воздействия текстов народных заклинаний подтвердили, что заговор относится к числу тех речевых актов, в которых доминирующую функцию выполняет именно прагматический аспект, определяющий выбор языковых средств на уровнях семантики и синтактики. Это реализуется в специфической лексике, формульной структуре предложений, использовании глаголов-перформативов повелительного наклонения.

Согласно Дж. Остину речевой акт состоит из локуции (высказывание), иллокуции (намерение, волеизъявление) и перлокуции (воздействие на слушателя). Речевое воздействие чаще всего выражается во второй и третьей фазах – иллокуции и перлокуции. Существуют короткие высказывания, содержание которых соответствует сразу трем фазам. В некоторых текстах локуция, иллокуция и перлокуция выражены несколькими высказываниями. Большинство заклинательных текстов отражает все три фазы с выраженной перформативностью иллокутивного акта. Однако под влиянием христианства жанр трансформируется, разбавляя некоторые тексты религиозной лексикой и молитвенной структурой. Это обусловило наличие заклинаний, которые по форме и отсутствию перформативности больше напоминают просьбу.

Эффективность коммуникации оценивается многими исследователями не с точки зрения реализации речевого воздействия, а с точки зрения эмоциональной реакции адресата. Применительно к заговорным текстам эффективность общения измеряется исполнением или неисполнением желаемого. Для заклинателя не важна позитивная эмоциональная реакция слушающего, подразумевающая дальнейшее общение собеседников. В функции второго участника коммуникации – адресата – выступает не только человек, но и объекты окружающего мира. Личность адресанта бывает проявленной или непроявленной, а сам заговор всегда представлен вербальным аспектом, невербальная составляющая присутствует не у всех текстов. Это подтверждает, что воздействие на слушателя в заклинаниях осуществляется, прежде всего, речевым компонентом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шакурова Е. С., Старчикова И. Ю. Некоторые особенности построения речевого воздействия // Преподаватель XXI век. 2019. № 3-2. С. 335–342.
2. Покровская О. С. Средства речевого воздействия на стыке двух культур // Филология и лингвистика : проблемы и перспективы. Челябинск : Два комсомольца, 2011. С. 45–48.
3. Скомаровская А. А. Лингвопрагматика разных частей речи в рекламном дискурсе // Феноменология

современных медиасистем и медиатекстов. Тирасполь : Изд-во ПГУ, 2018. С. 229–232.

4. Метелькова Л. А., Шупатова О. В. Лексические и фонетические способы речевого воздействия в рекламе // Вопросы общего языкознания и теории текста. Чебоксары : Изд-во ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 2018. С. 49–52.

5. Сарычева С. А. Речевое воздействие персонала турфирмы как средство привлечения клиентов // Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления. Курск : Изд-во ЮЗГУ, 2019. С. 326–329.

6. Ягафарова Г. А., Тешебаев И. Д., Ягофарова В. Р. Роль культуры речевого воздействия в обеспечении этичности делового общения // Приднестровский научный вестник. 2019. № 2. С. 47–48.

7. Еремкина Н. В., Усманова Е. Ф. Средства речевого воздействия в профессиональной коммуникации // Казанская наука. 2020. № 1. С. 100–102.

8. Григорьев Е. И., Карандеева Л. Г. Особенности реализации речевого воздействия в процессе устной коммуникации // Казанская наука. 2018. № 4. С. 57–63.

9. Чумак-Жунь И. И., Проскурнина Л. В. Особенности репрезентации прагматического потенциала языковой личности И. И. Лажечникова в текстах исторических романов // Ученые записки Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер.: Филологические науки. 2018. № 2. С. 160–178.

10. Пименова А. В. Теория Шарля Балли в свете лингвопрагматики // Научный лидер. 2022. № 3 (48). С. 57–59.

11. Березович Е. Л., Сурикова О. Д. О лингвопрагматике русских демонических проклятий // ШАГИ-STEPS. 2021. № 2. С. 268–287.

12. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж : Истоки, 2012. 178 с.

13. Austin J. I. How to do Things with Words : The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955. Oxford : Clarendon Press, 1962. 174 p.

14. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и славянских языков) : курс лекций. Минск : БГУ, 2009. 183 с.

15. Алефиренко Н. Ф. Проблема соотношения речевого жанра и дискурса // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. 2009. № 2. С. 53–61.

16. Гончарук Е. Ю. Анализ коммуникации по степени ее эффективности // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2014. № 26 (355). С. 30–33.

17. Сельченко Е. К. Суггестивная лингвистика как элемент культурной суггестологии // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире. Минск : Изд-во БГУ, 2020. С. 102–106.

18. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие : онтология и методология исследования : монография. 2-е изд. испр. и доп. М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. 344 с.

19. Гришечко Е. Г. Определение понятия речевого воздействия и виды этого воздействия // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 4. С. 53–59.

20. Майков Л. Н. Великорусские заклинания. СПб. : тип. Майкова, 1869. 164 с.

21. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. : Изд-во книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880–1882. 2716 с.

REFERENCES

1. SHakurova E. S., Starchikova I. Yu. Nekotorye osobennosti postroeniya rechevogo vozdeystviya [Some features of the construction of speech influence]. In: *Prepodavatel' XXI vek*. 2019. No. 3-2. Pp. 335–342.

2. Pokrovskaya O. S. Sredstva rechevogo vozdeystviya na styke dvukh kul'tur [Means of speech influence at the junction of two cultures]. In: *Filologiya i lingvistika: problemy i perspektivy*. CHelyabinsk: Dva komsomol'tsa, 2011. Pp. 45–48.

3. Skomarovskaya A. A. Lingvopragmatika raznykh chastey rechi v reklamnom diskurse [Linguopragmatics of different parts of speech in advertising discourse]. In: *Fenomenologiya sovremennykh mediasistem i mediatekstv*. Tiraspol': Izd-vo PGU, 2018. Pp. 229–232.

4. Metel'kova L. A., SHipatova O. V. Leksicheskie i foneticheskie sposoby rechevogo vozdeystviya v reklame [Lexical and phonetic ways of speech influence in advertising]. In: *Voprosy obshhego yazykoznanija i teorii teksta*. CHEboksary: Izd-vo CHGPU im. I. YA. YAKovleva, 2018. Pp. 49–52.

5. Sarycheva S. A. Rechevoe vozdeystvie personala turfirmy kak sredstvo privlecheniya klientov [Speech influence of travel agency staff as a means of attracting customers]. In: *Teoriya i praktika ehffektivnosti gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. Kursk: Izd-vo YUZGU, 2019. Pp. 326–329.

6. YAgafarova G. A., Teshebaev I. D., YAgafarova V. R. Rol' kul'tury rechevogo vozdeystviya v obespechenii ehlichnosti delovogo obshheniya [The role of the culture of speech influence in ensuring the ethics of business communication]. In: *Pridneprovskij nauchnyj vestnik*. 2019. No. 2. Pp. 47–48.

7. Eremkina N. V., Usmanova E. F. Sredstva rechevogo vozdeystviya v professional'noj kommunikatsii [Means of speech influence in professional communication]. In: *Kazanskaya nauka*. 2020. No. 1. Pp. 100–102.

8. Grigor'ev E. I., Karandeeva L. G. Osobennosti realizatsii rechevogo vozdeystviya v protsesse ustnoj kommunikatsii [Features of the implementation of speech influence in the process of oral communication]. In: *Kazanskaya nauka*. 2018. No. 4. Pp. 57–63.

9. SHumak-ZHun' I. I., Proskurnina L. V. Osobennosti reprezentatsii pragmaticheskogo potentsiala yazykovoy lichnosti I. I. Lazhechnikova v tekstakh istoricheskikh ro-

manov [Features of the representation of the pragmatic potential of the linguistic personality of I. I. Lazhechnikov in the texts of historical novels]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo: Filologicheskie nauki*. 2018. No. 2. Pp. 160–178.

10. Pimenova A. V. Teoriya SHarlya Balli v svete lingvopragmatiki [Charles Bally's theory in the light of linguopragmatics]. In: *Nauchnyj lider*. 2022. No. 3 (48). Pp. 57–59.

11. Berezovich E. L., Surikova O. D. O lingvopragmatike russkikh demonicheskikh proklyatij [On the linguopragmatics of Russian demonic curses]. In: *SHAGI-STEPS*. 2021. No. 2. Pp. 268–287.

12. Sterin I. A. *Osnovy rechevogo vozdeystviya* [Basics of speech influence]. In: Voronezh: Istoki, 2012. 178 p.

13. Austin J. I. *How to do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955*. Oxford, Clarendon Press, 1962. 174 p.

14. Norman B. Yu. Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i slavyanskikh yazykov): kurs lektsij [Linguistic pragmatics (based on the material of Russian and Slavic languages): course of lectures]. Minsk: BGU, 2009. 183 p.

15. Alefirenko N. F. *Problema sootnosheniya rechevogo zhanra i diskursa* [The problem of the correlation of speech genre and discourse]. In: *Vestnik Ros. un-ta druzhby narodov*. 2009. No. 2. Pp. 53–61.

16. Goncharuk E. YU. Analiz kommunikatsii po stepeni ee ehffektivnosti [Analysis of communication by the degree of its effectiveness]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. No. 26 (355). Pp. 30–33.

17. Sel'chenok E. K. Suggestivnaya lingvistika kak ehlement kul'turnoj suggestologii [Suggestive linguistics as an element of cultural suggestology]. In: *Yazykovaya lichnost i ehffektivnaaya kommunikacia v sovremennom politkul'turnom mire*. BGU. 2020. Pp. 102–106.

18. SHElestyuk E. V. *Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya: monografiya* [Speech influence: ontology and methodology of research: monograph]. M.: FLINTA: Nauka, 2014. 344 p.

19. Grischechko E. G. Opredelenie ponyatiya rechevogo vozdeystviya i vidy ehlogo vozdeystviya [Definition of the concept of speech impact and the types of this impact]. In: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2008. No. 4. Pp. 53–59.

20. Majkov L. N. *Velikorusskie zaklinaniya* [Great Russian spells]. Spb.: tip. Majkova, 1869. 164 p.

21. Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4t. Spp.*: Izd-vo knigoprodavtsa-tipografa M. O. Volfa, 1880–1882. 2716 p.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Чумак-Жунь И. И., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и русской литературы

E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Belgorod State National Research University
Chumak-Zhun I. I., Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language and Russian Literature Department
E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Ковалева С. В., аспирант кафедры русского языка
и русской литературы
E-mail: 947848@bsu.edu.ru

Kovaleva S. V., Post-graduate Student of the Russian
Language and Russian Literature Department
E-mail: 947848@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию 20 апреля 2022 г.
Принята к публикации 25 мая 2022 г.

Received: 20 April 2022
Accepted: 25 May 2022

Для цитирования:

Чумак-Жунь И. И., Ковалева С. В. Суггестивный потенциал речевого жанра (на основе текстов фольклорных заговоров) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/3/28-36>

For citation:

Chumak-Zhun I. I., Kovaleva S. V. Speech influence as a subject of linguopragmatics (based on texts of folk spells). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2022. No. 3. Pp. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2022/3/28-36>